

Юрий Белкин

Дерзай — И БУДЕТ!

*Размышления
в темноте*

Волгоград
2017

*Моей жене Зинаиде Петровне
Белкиной, урождённой Усачёвой,
посвящается*

Глава 1

Вней автор рассказывает, как потерял зрение, как пытался на первых порах осваиваться в новом состоянии. Поскольку человек изначально запрограммирован на выживание, автор размышляет о запасных путях, о боковых побегах, которые в экстремальных ситуациях человек может заставить работать.

Меня часто спрашивают о специфике восприятия окружающего мира слепым человеком. В ответ рассказываю о своих ощущениях, представлениях, а собеседник сам делает вывод, насколько они соответствуют действительности.

Беседы всякий раз выстраиваются по-разному. Но я стараюсь полнее показать срез того, о чем приходится размышлять, упоминаю даже биографические факты. Короче говоря, пытаюсь по возможности показать внутренний мир слепого, эту своеобразную «вещь в себе», превратить её в «вещь для собеседника».

Иногда говорят, слезы маловато. Но я исхожу из того, что слёзы плохой помощник инвалиду. Так что за ними не ко мне.

И цветам от косы достаётся

Я потерял зрение от взрыва на десятом году жизни, так что Отечественная война не обошла и меня. Немало детей разделило тогда мою судьбу. Известно, что в критических ситуациях военачальники, сохраняя боевую технику, пускали иногда по минным полям пехоту впереди танков. Таким образом, ценою жизни и здоровья солдат достигался успех танкового прорыва. Что ж, война есть война, и у нее свои законы. Нас, детей, тоже жизнь пустила по следам ушедшей войны впереди сапёров. Оружие и боеприпасы валялись на каждом шагу. Статистику никто не вел, но легко предположить, сколько моих сверстников погибло и покалечилось, упрощая военным работу по разминированию территории. Без большой натяжки можно сказать, что занавес, которым закрывалась сцена театра военных действий Великой Отечественной войны, был соткан и из наших судеб.

Белкин, Ю. Н.

Дерзай — и будет! [Текст] / Ю. Н. Белкин. — Волгоград: Издатель, 2017. — с.

В книге показано, как человек, оказавшись на инвалидности, использует этот запас, осваивает доступные социальные роли, часто незначительные, порой сомнительные, и как эти ролевые пруттики, соломинки становятся тем зыбким настилом, по которому инвалид возвращается в большую жизнь.

Если вы полагаете, что жизнь без зрения не может быть интересной, то, скорее всего, заблуждаетесь. Даже беглый обзор содержания книги убедит вас в этом.

Тематическое разнообразие, ясность рассуждений, живость языка делают книгу интересной и узкому специалисту, и широкому читателю. В ней есть над чем поразмыслить, возможно, найдётся и что позаимствовать. Вдруг из темноты что-то видится лучше.

ББК

© ГБУК «Издатель». Оформление, 2017
© Белкин Ю. Н., 2017

К счастью, большинство детей из опалённых войной мест всё же уцелело, и это оказалось для страны весьма кстати. Им пришлось вместе со своим поколением без всякой подготовки шагнуть во взрослость, в народное хозяйство, короче, восполнить послевоенный кадровый дефицит. Но война на них тоже оставила свой отпечаток и, думаю, не обязательно отрицательный. Возьму на себя смелость предположить, что проживание на территории военных действий в период войны и послевоенные годы стало для детей своеобразным ситом, жёсткой выбраковкой. Они перемогли голод, избежали, в отличие от меня и моих товарищей по несчастью, неудачных встреч с боеприпасами. Любопытно было бы проанализировать их социальную успешность относительно тыловых сверстников.

И ещё на одной мысли хочу остановиться. Мы, живые, хоть и искалеченные, можем о себе заявлять, возмущаться, словом, обращать на себя внимание. А что же те ребята, которые погибли? Они-то выпили чашу погорше нашей! Материнские слёзы, конечно, омыли им дорожку, но стране в послевоенной суете было не до них. Выходит, они канули в неизвестность? Есть здесь какая-то несправедливость. Ведь это была самая реактивная, самая отчаянная пацанва. Такие натуры всегда и везде оказываются на острие социальных процессов. Разве остались бы они в стороне от поднятия целины, от гигантских строек, от космических программ? Уйти в никуда, стать ничем они не могли. Это, мне кажется, противостоественно. Хочется думать, что их гибель где-то учтена, к чему-то присовокуплена, во что-то трансформирована. И конечно, мы обязаны о них помнить, быть им благодарны, хотя и сам я толком не знаю за что. В моём воображении эти ребята представляются в виде цветов, подсечённых косой, выпавшей из рук смертельно раненной войны. Но вернусь к своей слепоте.

Не можешь рассмотреть — попробуй услышать

Темнота накрыла сразу, то есть в одночасье оказался в другом психофизическом состоянии. Возникли трудности в ориентировке, мобильности, самообслуживании. Слепой человек основную информацию получает через слух, поэтому старался вслушиваться в каждую мелочь, на которую, будучи зрячим, не обратил бы внимание. Кстати, таких «мелочей» порой оказывается не так уж и мало. Иной раз даже приходит мысль: а не слишком ли много человек теряет из-за невнимательности к слуховому восприятию? Кто-то из западных модельеров сказал: «Порой женщина кажется привлекательной, пока не открыла рта». Суждение резковатое, но не лишено смысла. Люди научились подавать свою внешность, искусно прятаться за нею, но контролировать поведение, речь, а тем более интонацию голоса гораздо сложнее. И здесь, как говорится, сам Бог велел инвалиду по зрению активизировать сохранившиеся органы чувств и попытаться уловить что-то сокровенное. Если возник барьер инвалидности, почему бы не попробовать его как-нибудь превозмочь? Должен же человек как-то реализовывать свой потенциал!

Когда плотина перегораживает русло реки, образуется водохранилище — скопление потенциальной энергии воды. Она используется для выработки электричества, шлюзования, орошения и прочего. Но значительная ее часть расходуется бесконтрольно. Вода что-то размывает, заполняет, растворяет, куда-то просачивается. За десятки километров от плотины подземные воды подтопляют селения, и еще бог знает на что человек провоцирует воду своими рукотворными барьерами. Если бы мы понимали язык воды, много узнали бы о ее подземных похождениях и проказах, о многом бы она нас предупредила. Может быть, и жизненная энергия инвалида, стесненная дефектом, тоже куда-то направляется, как-то видоизменяется, только мы не придаем этому значения. А может, стоит поинтересоваться? Ведь в отличие от воды эти люди могли бы рассказать о своих ощущениях и представлениях, и — как знать? — вдруг откроется что-то необычное.

Жёстче судьбина — ярче картина

Помню, в первые месяцы после травмы приводил в недоумение близких. Указываю, например, место у верстака, где лежит стружка, подробно ее описываю. Или, подойдя к клумбе, пытаюсь сорвать цветок. На самом деле ни цветка, ни стружки нет. Вероятно, память ярко воспроизводила увиденное прежде, а я принимал это за реальность. Вообще, картины моего последнего зрячего лета прочно остались в памяти. Островки и заводы на речке, колонии репейника и дикого чеснока в степи, множество тропинок. Детская память цепко сохранила иловлинские улицы, дома, даже отблески солнечного света на стеклах окон.

Помнится множество мужских и женских лиц на фоне темных однообразных одежд. На лицах мужчин выражение спокойной уверенности, а у женщин откровенной скорби. Для себя я объясняю это тем, что тогда, в первые послевоенные годы, все мужчины чувствовали себя героями, победителями. А вот всю глубину трагедии, всю горечь утрат в полной мере могли осознавать, пожалуй, только женщины. Может быть, благодаря этим особенностям они и остались в моем сознании. Позже время, наверняка, стерло с памятных мне лиц поразившие меня особенности. Но тогда, по горячим следам прошедшей войны, горесть и гордость ходили в полный рост.

Ну и пусть слепой, зато...

Впоследствии мне часто приходилось общаться с участниками Великой Отечественной войны и по работе, и в повседневной жизни. Думаю, не зря они остались с детства в моей памяти. Есть в них что-то, особость какая-то. Это и чувство долга, и упорство в достижении цели, и готовность прийти на помощь друг другу. А теперь вот, когда время берет свое, — умение держать круговую оборону, сопротивляться до последнего. Молодцы, да и только, молодым бы это перенять.

После войны государство открывало спецшколы, где вернувшиеся с фронта инвалиды могли получить навыки бондаря, шорника, музыканта.

Конечно, научиться изготавливать бочки или хомуты проще, чем овладеть баяном. И всё же, несмотря на не юный возраст и отсутствие зрения, некоторые инвалиды войны стали приличными музыкантами, успешными преподавателями музыки. Наш земляк Ф. И. Буданов играл на баяне довольно скромно, зато учитель был от Бога. По его словам, слепой как специалист должен быть на голову выше зрячих коллег. Тогда только он почувствует себя на равных. Наверное, Фёдор Иванович знал, что говорил. Человек сорок из его учеников закончили музыкальные училища, из них добрая половина — вузы.

А что делать, если хочется играть на баяне, а у вас пальцы на правой руке искалечены? Расстаться с мечтой? Как бы не так! Он разворачивает баян таким образом, что правая, ведущая, клавиатура оказывается под левой рукой и... невероятно, но факт! Наяривает порой так, как многим и при нормальной постановке инструмента не сыграть.

Помню Василия Ивановича Сарифова. Он работал в Иловлинском обществе слепых. Самим фактом жизни без зрения заронил он в меня, точнее, в моих родителей надежду, что у меня не всё потеряно. Судя по фамилии, он, вероятно, был татарин или казахом. Но тогда мне это и в голову не приходило. Да что мне. Взрослые на это не обращали никакого внимания. И вот те на! На седьмом десятке пришла ко мне национальная блажь. Стал вдруг делить людей по национальному признаку. Надеюсь, ненадолго. Кому эта дурь нужна, если от неё всем только хуже? Энергично настаивал Василий Иванович на скорейшем оформлении меня в школу для слепых. Прислал мне туда письмо, написанное рельефно-точечным шрифтом. К тому времени я только-только изучил эту хитрую азбуку, но разобрал написанное. Правда, сегодня из содержания помню лишь ленинские слова: учиться, учиться, учиться. Конечно, теперь ветераны Второй мировой на излете, и все же как-то уютно осознавать, что еще живут такие люди. Наверное, подобные ощущения испытывают перелетные птицы, находясь внутри стаи, когда впереди, рассекая воздух, летят сильные, надежные вожаки.

Раньше были арбузы, а теперь булыжники

Порой вспоминаются целые тематические блоки, будто открываешь давно забытые файлы, смысл которых только теперь начинаешь осознавать. Как сейчас слышу голос дедушки, рассказывающего собеседникам о соперничестве в выращивании арбузов соседних хозяйств: Песчанки и Красного Яра. Он тогда работал сторожем на песчанских бахчах, и я, конечно, весь сезон был с ним. В Песчанке был опытный бахчевод. Мы, дети, звали его дядей Никитом. Кажется, у него на руке не было нескольких пальцев. Для того времени — дело обычное. Война на многих оставила свои отметины. Красноярец старались копировать соседей во всем: и землю под бахчи отвели вблизи, и распахали, и посеяли в те же сроки. Но лето выдалось засушливое, и красноярские бахчи посохли. Песчанские же уцелели, и все потому, что Никит велел по арбузам посадить ку-

рузу. То ли тень от нее уберегла молодые арбузные побеги, то ли ее корни укрепили песчаную почву от выдувания — не знаю. Но урожай, хотя и скромный, песчанцы получили. Я помню те арбузы: некрупные, порой какие-то кособокие, но сладкие донельзя. Теперешние, выведенные селекционерами, крупные и толстошкурые, по вкусовым качествам ни в какое сравнение с прежними не идут. Те могли лопнуть от легкого удара, на этих — хоть пляши. Их во что угодно грузи, куда хочешь вези. Но транспортабельность даром не дается. Природу не обманешь. На сколько выигрываем в товарности, на столько теряем во вкусовых достоинствах. Относительно крупные арбузы Никит помечал особыми царапинами. Они оставались на семена. Их строго-настрога запрещалось срывать. Как-то поздно вечером дядя Никит приехал на бахчи на велосипеде нетрезвым, точнее сказать, пришел, опираясь на велосипед, зачем-то сорвал семенной арбуз, не удержал его, и тот вдребезги разбился. Я, конечно, попробовал «запретный плод», самую его серединку, еще хранившую дневное тепло. Вряд ли он качественно отличался от прочих, но я на другой день расхваливал его сверстникам на все лады.

А вот дыни мне нравились меньше, вернее, некоторые их виды. Наверное, в наших местах не всем дыням хватает солнца для вызревания. Однажды я помогал дяде Никиту собирать их. Как сейчас вижу: едет он на двуколке по меже и кнутовищем указывает, какую срывать. Особо понравившуюся разламывает искалеченными пальцами, кушает, причмокивает, меня угощает. Действительно вкусно! Пожалуй, слаще арбуза. Помню, собирали мы их много, возможно, это была заготовка семян. Потом взрослые просили меня показать места сбора. Я охотно показывал. Теперь думаю: вдруг выдавал секрет, «работал на конкурирующую фирму». Ведь подбор хороших семян — тоже производственная тайна! А может быть, люди просто хотели нарвать вкусных дынь. Сейчас, к сожалению, этого не выяснишь: «иных уж нет, а те далече».

Смотри и помни!

И вот же как бывает! Более полувека спустя, в эпоху распада совхозов, мой земельный пай оказался километрах в десяти от Московской автотрассы на правом берегу реки Иловли. Местность для меня, слепого, незнакомая. Был бы зрячим, когда-нибудь ненароком и заглянул бы в этот уголок, а так... Знаю только, что в нескольких километрах отсюда вверх по течению реки в имени Грековых Петров-Водкин писал свою картину «Купанье красного коня». Чтобы хоть как-то сориентироваться, спрашиваю у землеустроителя:

— Алексей Валентинович, а что находится там, напротив, на левом берегу?

— Пространство между хуторами Песчанка и Красный яр, — отвечает.

— Ух ты, я же в этих местах бывал! Там тогда бахчи были.

— Они и сегодня есть.

Вот так, оказывается «край-то нашенький». Помнится, я подолгу смотрел с бахчей в эту сторону. Хотелось за речку, в неизвестные места. Бахчи-то, исхоженные вдоль и поперёк, уже примелькались. К речке мне не разрешалось даже приближаться, но смотреть-то не запретишь. Помню широкую низину. По весне она, вероятно, заполнялась полой водой. Помню речку, изгибающуюся между травянистыми берегами. Противоположный холмистый берег. Тогда на нём деревьев не было. В общем, «вновь я посетил».

Что это? Случайное совпадение? Может быть, хотя и какое-то подозрительное. А что если сюда добавить чуть-чуть мистики? К примеру, судьба позволила мне в детстве увидеть кусочек будущего. Мол, смотри вволю на эти места. Когда станешь собственником, такой возможности уже не будет. Или наоборот. Долго, увлечённо смотрел, и моя энергетика как бы сфокусировалась, материализовалась, как бы застолбила это место в довольно хаотичном процессе деления земли. А коли так, то почему бы детям и внукам не обратить внимание на этот факт. Кого-то к удаче клубочек ведёт, кому-то стрела двор указывает, а тут, понимаешь, давным-давно предок самолично глаз положил. Нет, лучше осенил взглядом. Какое ещё знаменье надобно? Ну а если серьёзно, то пора и заканчивать. Будя, как сказал бы дядя Никит. А то можно договориться до такого, что...

Уж очень стрелять хотелось

Как же всё-таки яркие сцены детства, будто бы и не уходил из них. После войны с детскими игрушками было туго, но мы выходили из положения. Пункт по приёмке вторсырья снабжал нас всем, если с воображением покопаться в кучах костей, металлолома, резины. К примеру, косточки от свиных ножек — чем не оловянные солдатки? Позвонки от коровы или лошади — прекрасные грузовики. Рёбра — отличные шашки, хоть целый отряд чапаевцев вооружай. Обод от велосипедного колеса легко катится, если его сзади постоянно поджимать изогнутой особым образом проволокой. Но чаще для этого вида «транспорта» мы использовали деталь от танка: шестерня, не шестерня; гладкая по внешнему периметру и зубчатая по внутреннему. Главное, диаметр её больше соответствовал детскому росту, да и вес был подходящий. Бывало за такой коляской пробежишь несколько километров и ничего, даже не заметишь усталости. Причём никогда не говорили: «я покатил колесо», только «я поехал». Езда сопровождалась пронзительным зуммером, так что по звуку издали легко можно было определить, где и порой даже кто едет.

Одно время появилась мода на изготовление луков или, по-нашему, самострелов. Смастерил и я что-то похожее. Помню первую охоту. Сначала камышовая стрела с наконечником из школьного пера пролетела позади галки. Я понял ошибку. Пока стрела взлетала, птица успела переместиться из опасного места. Второй раз прицелился с опережением и, как ни странно, попал. Но, видимо, лук мой был никудышный. Стрела на

излёте едва клюнула галку. Правда, птица издала слабый звук в момент касания стрелы, но вскоре преспокойно уселась на проводах, затем и вовсе улетела. Я же разочаровался в самостреле и переключился на рогатку. Если резинки для неё нарезать из хорошей камеры, то свинчатка летела на приличное расстояние. Особенно ценились рогатки из красной резины. Поэтому Лёшке нетрудно было уговорить нас с Юркой пойти на Песчанку, где, по его словам, такой резины целая гора. На другой день с утра и отправились. Ничего, конечно, не нашли, но день пролетел быстро. Где-то убежали от собак, где-то ели зелёный крыжовник. Потом на речке пытались выдирать из нор гнёзда юрков. Кажется, орнитологи называют их ласточками-береговушками. К вечеру собрались домой и тут начались неприятности. Издали заметили, что навстречу идут матери, Юркина и моя. В руках хворостины. Лёшке-то что, а мы при сближении оба начинаем «бунеть». Обходим их с умыслом. Я со стороны тёти Фаи, Юрка — с другой. Чужого не хлестнут.

Наутро коротко осведомяемся:

- Тебе было?
- Было, а тебе?
- И мне.

Перетянутка

Хочу отдельно сказать о Юркиной прабабке. В комнатке у неё висели пучки каких-то трав. Правда, нас с Юркой интересовал только солодик. Баба Анна с подругой иногда ходили на речку рыбалить бреднем. Причём она, хоть и была гораздо старше тёти Поли, шла от глубины, иногда вплавь. Нам с Юркой поручалось только на мели пугать рыбу, загонять её в бредень. Помню, во время рыбалки налетела грозовая туча. Рыбачки только что развесили на кустах бредень для просушки. С улыбкой вспоминаю, как перепуганная баба Анна велела нам спрятаться от дождя под этим бреднем. На станции её звали Перетянутка, за глаза, разумеется. Откуда это прозвище — не знаю. Возможно, в молодости у неё была осиная талия, как бы перетянутая. Вот тебе и Перетянутка. Вновь и вновь прокручиваю в памяти сцены рыбалки. Напряжённо всматриваюсь в прошлое. Вроде бы, даже вижу подтверждение своей гипотезы в очертаниях старушечьей фигуры, обтянутой мокрой рубашкой. А может быть, это мне только кажется.

Весной Перетянутка ходила в займище за ландышами. Тогда этот промысел не был массовым, поэтому нужды в Красной книге не было. Делала она это в одиночку, видимо, места были хорошо знакомы. Спозаранку надо было протопать не один десяток километров. Вечером, вернувшись с добычей, навязать букеты. Утром с поездом в Сталинград, вечером с покупками домой. А на следующий день с утренней зарёй опять в поход. Каждый раз, приходя из займища, баба Анна посылала нас с Юркой в магазин со словами: «Ольга Дмитриевна знает». Юрка подавал продавщице маленькую баночку, в половину от пол-литровой. Теперь

таких нет. Тётя Оля наполняла её пополам водкой и вином и мы, спрятав попку в кепке, спешили назад. С устатку оно, пожалуй, и не грех. Ритм работы-то ой какой! В другие же дни ничего такого не наблюдал, говорю как на духу.

На таких вот женщинах и выживает Россия. Не знаю, где баба Анна потеряла мужа. В Империалистическую войну, в Гражданскую ли. А может быть, и по свердловскому указу. Сложись по-другому судьба страны, и её бы жизнь была иной. Может быть, Юркина внучка или правнучка уродятся в неё и им удастся использовать незаурядные физические данные лучшим образом. Ведь всё тяжкое баба Анна приняла на себя.

Нет теперь уже ни Юрки, ни Лёшки. Говорят, в обоих случаях не обошлось без спиртного. Юра пострадал от ножа. Леша, по одной версии, неосторожно закурил, лёжа под машиной, по другой — попал в автостастрофу. Хорошие были ребята. Светлая им память. Возможно, где-то среди них был бы теперь и я, не подсеки меня инвалидность, не направь она мою жизнь по другому руслу. Прищипом, элементарным приёмом дачника, судьба спровоцировала у меня рост «боковых побегов», принудила развиваться в условиях слепоты.

Что-то слабо зовёт нас наша память

Но желание заполучить красную резину ничто по сравнению с жадой разыскать склад с немецким оружием. Байки о них по сей день живут в наших местах, особенно по задонским хуторам. У каждого хутора своя версия, но суть сводится к одному.

Главный герой — некто, каким-то образом узнавший о местонахождении немецкого схрона. Периодически он хаживает в него за продуктами да и новеньким оружием кое-кого снабжает. Его засекли по выбрасываемым обёрткам и пустым консервным банкам, стали следить. А когда неожиданно заловили с полным рюкзаком, он возьми да и умри от разрыва сердца. Стало быть, и тайну с собой унёс.

Даже сегодня, спустя полвека она кое-кому не даёт покоя, а что говорить о нас, послевоенных детях? Где только не лазали! Кто-то нам сказал, что души погибших иногда прилетают к месту гибели. По-моему, мы не очень понимали, что это значит. Но все-таки с опаской копались в местах, где, по нашим предположениям, шли бои. Старались оставить после себя порядок, боялись обидеть души погибших. Да и нельзя было давать взрослым повода для подозрений. Заметят — догадаются, не пуస్తят гулять.

Сейчас вдруг подумалось, а как же в Волгограде, точнее, в Сталинграде? Там чуть ли ни на каждый квадратный метр может прилететь душа. Хорошо, если приземление придётся на выстроенный дом, цветочную клумбу, асфальтовую дорожку. «Не зря погиб», — подумает. А если угодит на кучу мусора, на плевки, на окурки? «Эх вы, — скажет, — а мы-то думали...» И если они, раздосадованные, ослабят своё покровительство нашему безалаберному поколению, я лично их пойму. Надо же когда-то

приучать нас к ответственности за свои действия, да и за бездействия тоже. Неуютно становится от этой мысли, слишком уж много кругом неуженности. Мы, дети, ничего не знавшие тогда об исторической значимости тех боёв, лучше, кажется, относились к памяти о погибших.

«Прикурил»

В войну на нашей станции немцы разбомбили несколько военных эшелонов. Взрывные волны разбросали много боеприпасов по окрестности. После войны их пытались убрать, да не тут-то было. Песок и время многое успели скрыть. Но каждый год либо талая вода что-то вымывала, либо крепкий ветер выдувал. От такой вот штуки я и пострадал. Хотя, вроде бы методика подрыва боеприпасов проста. Разжигай костёр и отбегай прятаться в воронку или за пригорок. Надо только уметь ждать. Нередко бывали случаи, когда не хватало терпения. Подходили проверить и... мне, к счастью, такого наблюдать не пришлось. Чувство страха преобладало.

А вот с чувством ответственности перед другими у детей плоховато. Помню, как с опозданием до меня дошло, что своими забавами мы подвергали опасности не только себя, но и других. Уже слепым я услышал историю, как ребята разожгли костёр и, не дождавсь взрыва, ушли. Случайный прохожий решил прикурить от костра. Войну прошёл и уцелел, а тут... впрочем, если бы соответствующие службы поответственнее отнеслись к сбору боеприпасов, пожалуй, и детвора была бы поцелее, и фронтовик пожил бы. Подрывное дело хоть и заманчивое, но уж слишком предсказуемое. Знаешь наперёд, что и как будет. Хотелось найти немецкий склад с оружием, занять новенький пистолет. Откуда же нам было знать, что не только складов, но и немцев в Иловле не было. Да, если и узнали, только огорчились бы. Нельзя человеку без легенд.

Это хорошо, что плохо

Помню, как поражали нас в детстве обычные для взрослых вещи. Однажды весной увидели с железнодорожного моста внизу, в гуще прибрежного кустарника яркие цветы. Вроде бы там не должно быть ничего такого. Тут же опрометью с насыпи вниз. Продираемся сквозь кусты к предполагаемому месту, и что же? Это оказался обыкновенный шиповник, плоды которого мы не раз рвали. Ягоды невкусные, а от семян приходится долго чесаться. В другой раз неожиданно увидели в степи цветочное озеро. Подбежав, поняли, что это цветут наши давние знакомцы — колючки. Может быть, подобные открытия и наталкивают человека на мысль искать в плохом хорошее, и наоборот.

В том же пункте по приёмке вторсырья, где мы снабжались игрушками, за макулатуру у деда Парамона можно было получить переводные картинки. Одна из них до сих пор стоит перед глазами. Справа зелёные пассажирские вагоны, слева по зелёному лугу рассыпались дети. Во что-то играют, что-то собирают. Яркая зелень резко контрастировала с нашими

выжженными солнцем песками. Окошко в рай, иначе не скажешь. И эти переводные картинки, это маленькое чудо двадцатого века запросто уживалось в нас с игрушками из мослов, то бишь с забавами из первобытного общества. А значит, его величество время, долгий путь развития истории, перед которыми взрослые почтительно снимают шляпы, нам вовсе не казались такими уж значимыми. Может быть, это смещение в прошлое откат нас, теперешних, в атмосферу первобытного детства, мог таить в себе и что-то хорошее. Иногда, чтобы повыше прыгнуть, надо для разгона понизже присесть.

Много лет спустя я пытался напомнить сверстникам о подробностях той поры. Ведь что тогда видел я, видели и они, но никто, даже самые близкие друзья ничего определенного вспомнить не могли. Видимо, впечатления последующих лет закрыли в их памяти то далекое время. Это у меня те образы сохранились, потому что новым неоткуда было взяться. Интеллект зрячего человека формируется на основе постоянно обновляющихся зрительных образов. Слепой вынужден обходиться тем запасом, который удалось накопить к моменту травмы. Наверное, это обстоятельство не лучшим образом сказывается на развитии инвалида. Но жизнь устроена так, что в отрицательном часто таится нечто положительное. А если поискать свои плюсы и здесь? Предположим, дефицит зрительных образов как-то активизирует мыслительную деятельность: воображение, теоретизирование и прочее — подобно тому, как находчивая хозяйка при ограниченном наборе продуктов проявляет чудеса изобретательности; как иногда НИИ при меньшем финансировании добиваются больших успехов за счет нестандартных решений. Конечно, как институты-везунчики и чудо-хозяйки встречаются нечасто, так и далеко не каждый случай слепоты оборачивается оригинальностью мышления. Но как знать? Возможно, при должном реабилитационном воздействии положительных результатов окажется больше.

Кто там Титычу спать не даёт?

Я же и сегодня с удовольствием захоживаю в те давние сценки детства. На Пасху уже тепло, зелёная травка, солнышко. Крашенных яичек вдоволь, ешь — не хочу. Обязательно соревнуемся, у кого яичко крепче. Ударяем носик в носик. Если яички от молодых кур, то скорлупа у них хрупкая. Значит, ты, скорее всего, проиграешь. Если схитришь, ударишь чуть в бок — тебе победа не в счёт, а то и поражение получишь.

Рождество же наоборот — сугробы, мороз. Большинство наших бабушек, вероятно, искренне веровали в Бога. Верили, что есть тихая добрая гавань, которая открыта человеку и в радости, и в горе. Кто-то входит сразу в неё — и слава Богу. Кто-то обращается туда позже, жизнь заставляет. Что ж, и такой путь к Богу не заказан. Мы, конечно, «принимали к сведению» информацию о рождении и воскресении Христа, что он хороший, всем помогает. Может быть, что-то из услышанного когда-то и срабатывало по жизни — теперь определить трудно. Тогда же больше нас при-

влекала возможность на Рождество после пения тропаря получить что-нибудь вкусное. Обычно задолго до праздника приглядываемся, в какой дом что покупают к этому дню. С вечера обговариваются группы. Ночуют у кого-то одного вповалку на полу. Надо дружно встать ни свет ни заря. Когда разгуляется утро, христославцев уже не жалуют. Только блаженному Володе Бочару можно было ходить дольше. Бывало, встретишь его возвращающимся домой чуть ли ни в обед с доверху наполненной сумкой. Заранее намечаются маршруты, чтобы успеть побольше обойти домов. Хоть и рано встали, а весь посёлок уже в огнях. Ориентироваться легко. Собаки на привязи, заходи в любой двор. Изредка попадают дома без света. Они как бы прячутся в тени, точно совестятся, что не участвуют в празднике. Кто-то нам сказал, что Степановна, жена Титыча, начальника инкубатора, забыла купить конфет и даёт деньгами. Они недавно приехали, живут себе на отшибе, на инкубаторе, откуда им знать о Рождестве. Немедленно меняю план. Ночью, по буграм, по глубокому снегу трасса не из лёгких, но уж очень хочется получить деньги. Стучим.

— Кто там?

— Христославцев пускаете?

— Каких там ещё христославцев?!

Сразу всё понимаем. Досадно, а ничего не поделаешь, время не ждёт. Мы, конечно, отыгрались. Направили по нашим следам несколько таких же, как мы, серебролюбцев. Так что Ефиму Титычу в то утро позоревать не удалось.

«Вовка, пошли с нами»

Недавнее Рождество вновь возвратило меня в детство. О некоторых подробностях, связанных с этим днём, я не раз писал в прежних зарисовках. Напишешь — и не то что забудешь про них, но как бы отставишь в сторону. А вот ощущение радостной таинственности рождественских дней никуда не девается, никуда не отодвигается. То ли у меня не хватает слов выразить его, то ли ему положено навсегда оставаться во мне. Если навсегда, то здорово! Этот эмоциональный стержень и меня при случае поддержит, и подробности не отпустит. К тому же по нему можно легко перемещаться, преодолевать время, хаживать в гости к тем самым подробностям.

Впервые в этот обычай я окунулся под контролем бабушки. Сколько тогда мне было лет — не помню. Ещё темно, перед калиткой большущий сугроб, да такой, что в нём даже сделаны ступеньки. При входе в дом валенки надо обмести от снега, для чего на порошках лежит веник. Пока славишь, снег потает, а хозяйке потом убирать. Войдя в комнату, надобно отыскать глазами икону, снять шапку. А уж петь «Рождество твоё, Христе Боже наш» у меня получалось на отлёт, и пел я точь-в-точь как бабушка учила. После тропаря я рассказывал довольно долгий диалог, в котором звездочёт отговаривает пастуха от намерения увидеть новорождённого Христа. Тот же настаивает на своём, мол, Бога посмотреть весьма желает

и добывается-таки своего. Видимо, в бабушкины времена это рассказывалось в лицах, но я работал «в одного». Зато и вознаграждение было щедрым. Конфеты, печенья, пряники складывал в сумочку на ляжке, которую бабушка специально сшила для этого случая.

В детстве я был не по летам рослый и потому водился с пацанами двумя-тремя годами старше, да и выбора-то особо не было. Это после войны много народится детворы. Такое общение, с одной стороны, давало возможность подтягиваться за старшими, но с другой — затрудняло развитие самостоятельности, тем паче лидерства. Вероятно, оттого меня часто тянуло пообщаться с ребятами помладше меня. Видать, получал то, что не добирал со старшими. Зато в рождественские дни внимание ко мне зашкаливало. Текста тропаря никто из моих великовозрастных товарищей толком не знал, мотива и подавно, оттого каждый норовил пойти со мной. Выставляли меня, понятно, впереди и я старательно выводил: «Тебе клонимся солнцу правды, тебя видим с высоты Востока...» Хозяйки, конечно, без труда вычисляли сачков. Мне давали заметно больше, но «народ» не роптал. Помню, Юркина мать говорила, что у меня хороший голос. Не знаю, откуда у тётки Фаи сложилось такое мнение. Во всяком случае за всю мою уже не короткую жизнь этого «достоинства» моего, кажется, никто не замечал, разве что во время хорошего застолья. Ходовые песни под гитару — не в счёт. Там не поёшь, а, скорее, доверительно общаешься.

Как-то зашли прославить к родне. Мой трюндный брат сидит, скушает.

— Вовка, пошли с нами.

— Я «Рождество» не знаю.

Мы всё же утащили его с собой. Негоже своим оставаться в стороне в такой вкусный день. Приятно было слышать за спиной, что Вовке удаётся хотя бы в конце фразы поймать несколько правильных звуков: «...ума», «...хуся». Нынче, говорят, родственные связи в народе поослабли. Может быть, берём пример с европейцев? Там, сказывают, сын приглашает отца пообщаться в ресторан, а расплачивается всяк за себя. По-моему, в российский менталитет такое не вмещается. Говорят, наших соотечественников, коих теперь великое множество за рубежом, легко можно вычислить по хлебосольту. Молодцы ребята — держат марку!

Недавно от нашей общей знакомой услышал, что Вова заходил к ней славить, что она даже наливала ему — всё как положено.

— Он же слов не знает!

— Да чего-то там пытался...

Я знаю эти милые взрослые «чего-то там», они дороги мне с детства. Днём к нам заходили «прославить» соседи, знакомые. Пели, конечно, через пень-колоду, но... до сих пор в глазах стоит светлая улыбочка и гостей, и хозяев, чувствуется общий добрый настрой. Я, кажется, понимаю, зачем мне хочется вновь и вновь возвращаться в те тёплые, человеческие отношения, хочется именно увидеть, почувствовать их. Так что эту радост-

ную Рождественскую таинственность, этот безотказный «чудо-лифт» я никому не отдам.

Не пожалеть бы!

В теперешней свободной России этот обычай вроде бы оживает, но уж слишком легковесно. В лучшем случае христославцы расскажут банальное:

Нынче Ангел к нам явился
И сказал: «Христос родился».
Мы пришли Христа прославить
И вас с праздником поздравить.

Даже не считают нужным сообщить нам о том, что:

Он родился не в полатах
И не в каменных домах,
А родился в бедной хате
И положен был в яслях.

Ведь, если вдуматься, своим четверостишьем дети лишь сообщают нам о том, что Ангел поведал им о рождении Христа и что они пришли его прославить. Если хозяева готовы их принять, они, вероятно, должны сказать что-то в роде: «Ну что же, очень хорошо. Проходите, пожалуйста, прославьте, а мы одарим вас гостинцами». В ответ дети в лучшем случае прочтут вам ещё раз свой стишок. Они искренне не понимают, чего ещё от них ждут. Это всё равно, что мы скажем работодателю, мол, пришли поработать, а он в ответ на наше желание, подчёркиваю, за желание, а не за работу, должен оделить нас деньгами, и мы, довольные, отправимся домой. И эту нелепицу мы вкладываем в детские головы, да и добропорядочных россиян ставим в неловкое положение. Не давать подарка детям — незачтливо, а давать — значит поощрять халтуру. Потом удивляемся, мол, откуда у наших детей склонность к халяве.

В бизнесе это невозможно. Такие процедуры разорят любого предпринимателя. А по отношению к Богу — пожалуйста. Он ведь всевеликий и всемогущий, с него не убудет. Верно, не убудет. Если и убудет, то только с нас. Конечно, каждый вправе молиться так, как умеет. Но всё-таки, на мой взгляд, не следовало бы способствовать формированию у детей убеждения, что можно в обмен на ничто получать нечто. Как нетривиально, а приходится вспоминать и о мышеловке, и о бесплатном сыре. Иные «христославцы» и вовсе ограничиваются простым: здравствуйте, поздравляем вас с праздником... желаем... и как тут детей винить? Культивируем то это верхоглядство в них мы, взрослые. Чуть ли ни младенца учим декламировать:

Я, маленький мальчик,
Сел на диванчик.
А диванчик хруп —
подавайте руп.

Пожалуй, согласишься с Марксом, что история повторяется в виде фарса.

Как-то под Рождество я рассказал своим младшим детям о собственных рождественских приключениях. Им было тогда лет по семь-восемь. Они живо заинтересовались. Быстро выучили тропарь «Рождество твоё, Христе Боже наш...» да ещё диалог звездочёта и пастуха «Послушай, друг, ты кто такой...» Учили с моих слов, так же, как и я в своё время со слов бабушки. Эстафета явно удалась. Ранец их оказался наполненным сладостями уже после нескольких квартир. Нашлась и своя «Степановна», которая из-за отсутствия конфет подарила столько денег, сколько мы, родители, никогда бы им не дали. Видимо, произвели впечатление настоящая молитва и свежий содержательный диалог. Значит, сидит ещё в нас то самое религиозное чувство и надо не так уж глубоко копнуть, чтобы достать до него. Только копнём ли?

В советское время религию и терроризировали, и запрещали, и притесняли, а она, гонимая, спокойно жила и даже детвору к себе приваживала. Уж не знаю, в Боге дело или во власти, но люди тогда, кажется, были посовестливее. Сегодня и свободы немерено, и церковью не счесть, а мы, пока не очень прислушиваемся к заложенному в нас духовному потенциалу, не шибко торопимся его реализовывать. Без меры и без края заклонила нас нелёгкая на «подавайте руп», и всё тут. Не пожалеть бы!

Спасибо Витьке

В апреле этого года Иловлинская детская библиотека праздновала своё пятидесятилетие. «А как же, — подумалось мне, — я, восьмилетний, умудрился записаться в библиотеку ещё в мае 1952 года?». Конечно, позвонил, поинтересовался. Приятный женский голос разъяснил, что речь идёт об отдельном помещении. Прежде детский филиал размещался в отдельной комнате при обычной библиотеке. Мне тогда было не до таких тонкостей. Важен был сам факт приобщения к книге.

А произошло всё, можно сказать, случайно. Учились мы, станционные, в своей начальной школе. Однажды то ли учительница не пришла, то ли нас отпустили раньше, мы оказались предоставленными сами себе. Несколько старшеклассников почему-то решили пойти в Иловлю. Так мы называли станицу. Замечу, что в начальной школе старшеклассники — это третий, четвёртый класс. Они, стало быть, и лидеры, в меру сил и возможностей, конечно. Увязался за ними и я. Так, пожалуй, хвостиком и проболтался, если бы не сосед Витька. Он-то и завёл меня в библиотеку.

Я помню ту комнату. Мы сидим с Витькой вдвоём. Справа входная дверь, слева, кажется, диван. Впереди, чуть левее, у стола — библиотекарь. Помнится, уже не молодая женщина. С нами, вероятно, проводится беседа о гидроэлектростанции. Потому что библиотекарь показывает разворот газеты, на котором изображена река Волга и крупным планом плотина, похожая на гребёнку. Разве могли мы тогда предположить, что меньше чем через год боеприпас, оставшийся от недавней войны, лишит

Витьку руки, а меня зрения. Помню и первую книжку «Храбрый партизан». Тоненькая, потёртая, с серовато-коричневым рисунком на обложке. Потом были несколько книг Михалкова. Особенно запомнилась новенькая «В музее Ленина». Некоторые иллюстрации из неё чётко помнятся до сих пор.

Хочу сказать об отношении людей к делу. Библиотекарь сочла нужным заняться с нами, двумя станционными пацанами, беседой. Память частенько возвращает меня в тот день, к той женщине. Так что, я как бы сканирую из сегодня фрагменты тогдашней реальности. Говорят, человек жив, пока о нём вспоминают. Мне нравится это поверье. Потому и пишу. Мы все в большом долгу перед тем поколением. Они изо всех сил старались вложить в нас то самое «разумное, доброе, вечное». Наверное, надеялись, что мы-то уж шагнём и за себя, и за них. А вот шагнули мы или как, судить не берусь. Пусть читатель сам задумается. Есть над чем!

Жили-были три бандита: Джейн, Тарзан и баба Чита

Но библиотека — библиотекой, а клуб — совсем другое. В те годы клубы не пустовали. Да и разве можно было оставаться равнодушным к приключениям Тарзана, к его головокружительным полётам на лианах? Во многих дворах тогда можно было увидеть привязанные к деревьям верёвки. Клуб был местом и политической агитации. Помню яркий плакат в фойе. В верхней его части изображена сцена войны. На переднем плане лежит убитая женщина, возле неё ребёнок. Кровь убитой стекает в нижнюю часть плаката, постепенно превращаясь в доллары. Там носатый и зубатый американец, радостно смеясь, подставляет второй карман под долларовый дождь.

Однако каждый день в райцентр за культурой не находишься — близка дорожка! Потому культура сама к нам шла. Зрелищные мероприятия организовывались на железнодорожном вокзале. В зале ожидания периодически крутили фильмы. В памяти до сих пор живут кадры с удачливым Васей из фильма «Смелые люди». В этом же зале я в первый и, как потом выяснилось, последний раз увидел кукольный театр. Из-за ширмы, отгородившей часть зала, иловлянам, и стару, и младу показывали «Аленький цветочек» Аксакова. Запомнился момент, когда кукла пыталась поднять что-то лохматое и бесформенное. Вероятно, это была сцена с чудищем. Но мне казалось, будто она старается тащить в свой таинственный мир то, что могло свалиться за ширму, в нашу сторону. Говорят, сегодня в кукольных театрах устраиваются встречи детей с артистами, которые работали с куклами. Значит, детям объясняется кто есть кто, значит, тайна того волшебного мира уходит. Может быть, так оно и надо, не знаю. Я лично за тайну. Не меньше кукол поразил музыкальный концерт. Возможно, это был какой-то коллектив художественной самодеятельности. В нарядных костюмах артисты пели, подтанцовывали. Здорово, конечно, но не расстануешься — зал-то маленький. Зрителей же полным-полно! После этого концерта на станции остались в памяти слова частушки:

Как за речкою, за Дунайкою,
Провожал меня милый с балалайкою.

Разнообразие культурной программы для моих земляков объяснялось просто. Вблизи нашей станции начинается ответвление на Саратов от Московской железной дороги. Оно было спешно проложено в годы войны, для чего пришлось демонтировать уже уложенное полотно Байкало-Амурской магистрали. Так что наши места находятся в некотором родстве со стройкой века. Пассажирам, чтобы попасть с одной ветки на другую, надо было делать у нас пересадку: перебираться из Иловли I в Иловлю II или наоборот. Проще было бы пересаживаться в Качалино, но для этого надо знать наши места. Вот начальник станции и ловил момент, просил артистов выступить. Казалось бы, зачем это начальнику надо? Своих забот по ноздри. А артистам какво? Дорога, сама по себе штука хлопотная, а тут надо распаковывать костюмы и реквизит, переодеваться, выступать, вновь упаковывать. Но находили время, дарили радость чужим, случайным людям. Спасибо им за это. Такого мы даже в райцентре не увидели бы.

«Вновь я посетил»

«Приглашается для награждения общественный корреспондент Кубракова Любовь...» О, да это же моя соседка по креслу. «Подержите мою сумку, — говорит она, — а я пошла». Мы в старом иловлинском клубе, где отмечается 85-летие районной газеты «Донской вестник». Я помню её как «Колхозный активист». Серенькая, непривлекательная, но название написано было красиво. Буквы не то чтобы печатные, а какие-то живые. По вечерам дедушка обычно спрашивал: «Газетки не было?», надевал очки, молча проглядывал и вслух начинал читать. Потом газета успела поназывать «Колос» и вот теперь «Донской вестник». Анне Александровне — главному редактору — хоть не уходи со сцены. То получает, то вручает. У каждого есть повод поздравить. Да и как иначе? К районной газете всяк причастен. А мне-то какая удача! Где бы я ещё так легко освежил в памяти имена местного начальства, подметил какой-нибудь штрих, а то и прокол. Порой люди даже не подозревают, как много опытному уху говорит их, казалось бы, проходное выступление, но это в скобках и маленькими буквами.

Меня в этом помещении не было, почитай, лет шестьдесят с лишком. Говорят, здесь прошёл капитальный ремонт. Входные ступеньки уже не те — это я сразу отметил. Наверняка и многое другое стало выглядеть по-иному. В памяти-то остался тот прежний зал, где было просмотрено немало фильмов. Впрочем, для восьмилетнего пацанёнка термин «просмотрено» вряд ли подходит. Лучше сказать, я тогда присутствовал при демонстрации фильмов. Запомнились лишь некоторые названия да отдельные яркие эпизоды. Отважные и удачливые лётчики из «Истребителей» и «Небесного тихохода», наши солдаты маршируют по Берлину. А командир! Ростом невысокий, но плечуки широченные, как некуда. Скорее всего, изменился и внешний вид сцены. Во всяком случае углубления

перед ней, отделённого от зала невысоким парапетом, не стало. Это я специально уточнил. Со сцены слышится: «И всегда ваша газета была...», а мне видится на ней давний немудрёный акробатический номер троих школьников. Двое ребят выставляют навстречу друг другу полусогнутые колени одной ноги. Другая нога у каждого отставлена, даже оттянута. Для зрителя это получается в стороны от их общей фигуры. В том же направлении, что и ноги, выбрасываются руки. На выставленные колени встаёт третий участник со словами «Слава великому Сталину». Таким образом, отставленные ноги, выброшенные руки двоих и торс третьего образуют что-то вроде пятиконечной звезды.

Нынешняя детвора куда круче. У нас в Иловле, оказывается, сильная школа танцев. Дети не раз становились победителями и призёрами на российских и международных конкурсах. Это вам не звёздочку сложить! Но как ни жёстки, как ни напористы ритмы современных танцев, а не одолеть им нашей фольклорной самобытности. В характере и со вкусом исполнили ребята из младшей группы несколько русских народных песен. Молодцы «культурники», думают о подрастающей смене. Поприветствовал юбиляра и ансамбль «Казачий курень» — как же без него! Сколько бы ни было потрачено аплодисментов, а он свои всегда возьмёт. Завершила концерт новая сотрудница клуба по имени Надежда песней «Пусть вам повезёт в любви». Я слышал этот хит несколько раз, но слушал впервые. И слова, и музыка вроде бы обычные, но как-то поверилось, что составители программы угадали с заключительным номером. Напутствие это по теперешней жизни как нельзя к месту.

Тогда Алёны могли останавливать игры

Помнится, в станице напротив районного клуба был кленовый садик со скульптурой Ленина. Тут же, на центральной улице, находилось несколько магазинов и чайная. На боковые улицы станционные ребята моего возраста особо не отклонялись. Те кто постарше — другое дело. Они каждый день туда в школу ходили, могли позволить себе полюбопытствовать. Даже внешне они выглядели как-то значимее — учились-то в райцентре. Помню, услышал я от них стишок про учительницу:

Ната, Ната, Наталичка,
Худенькая, будто спичка.
На высоких каблуках
И с «Ботаникой» в руках.

Поколебавшись, решил поместить этот «шедевр» как образчик школьного фольклора той поры. Не зря же память моя столько лет его хранила. Вдруг автор объявится.

Как-то под вечер мы, станционные, весело играли в лапту. Подходят ребята — старшекласники с портфелями. Они, видимо, учились во вторую смену. Оказалось, писали сочинение. Игравшие с нами их сверстники окружили пришедших. Тут же достали черновики и началось обсужде-

ние. В первый день Алёна скосила... во второй день она... Впоследствии, вспоминая этот случай, я предположил, что сочинение было по Яшинской книге об Алёне Фоминой. В те годы «Алёны» могли останавливать игры, хотя условия для учёбы были весьма скромные. Сказывалась недавняя война.

Не знаю, на какой бумаге были написаны те сочинения, а я одно время писал на довольно странных тетрадях. Разлинованы они были точь-в-точь как нормальные, а бумага какая-то серая. В ней нетрудно рассмотреть мелкие щепочки, ворсинки, волоски. При письме чернила расплываются. Перо то и дело выцарапывает что-то из бумаги, как плуг из земли и... клякса! Досадно, но у многих ребят и такого не было. Эти тетради выделил мне мужчина, возможно учитель, приезжавший забирать хранившиеся у нас в сарае несколько ящиков со школьными принадлежностями. У него не было руки, но он как-то умудрился ловко отогнуть одной рукой стенку ящика. Помню, меня поразило обилие в нём тетрадей. Моя тетрадная халюва объяснялась легко. Снабженцы из дальних колхозов водили знакомство с моим дедом. Наш дом стоял возле дороги. Перед домом был небольшой пустырь. Колхозники, получая по железной дороге технику, лес и всякие грузы, обычно не имели возможности сразу их вывезти. Потому оставляли на хранение возле нас. Комбайны, синие прицепные и красные самоходные, подтягивались под самые окна.

У нас, у станционной пацанвы, были свои бесспорные преимущества. Обо всём, что поступало по железной дороге в наш район, первыми узнавали мы. Разгружалось-то всё у нас на станции. Тогда, считай, все перевозки в стране осуществлялись по железным дорогам. Всё проходило перед нами. Никаких специальных экскурсий или выставок по ознакомлению с народным хозяйством страны нам не требовалось. Не были исключением даже секретные перевозки для военных. Ну и что же, что под брезентом? Ну и что же, что охрана? Нашли от кого утаить! А кто, кроме станционных, мог знать, как тревожит и манит сипящее мерцание отдыхающего в ночи паровоза?

«Исправленному верить!»

Вот они — три на ряд как жар горят! Это Наталья Ивановна ругает меня, Ваньку и Тольку. Но, правда, один начинает исправляться. Один — это я. Придя домой, с удовольствием слово в слово повторяю всё бабушке, нажимаю на слово «исправляться». Ванька-то с Толькой, наверное, на слова учительницы и ухом не ведут. Они — приятели, живут далеко от меня, аж на том краю, но их часто можно было видеть в нашей стороне. Толька одет почище, они и живут получше — отец работает на железной дороге. У Ваньки-то одна мать, да ещё два брата. Засела в памяти забавная сценка: друзья с удовольствием уплетают Толькины оладушки. «Они в масле кипели, да, Толя», — говорит Ванька, поглядывая на меня. Мне ужасно хочется отведать тех оладьев, но попросить не решаюсь. Хорошо, что они быстро с ними расправляются. Мать Ваньки работа-

ет рядом со школой в заготзерновском магазине уборщицей. Как-то зашла поинтересоваться учёбой сына. «Когда же им учиться, — говорит тётя Нина, — как приходит со школы, берёт санки, и — Толя, пошли!». Говоря это, она так живо изобразила, как Ванька вскидывает на плечо верёвку от санок, что два класса дружно грохнули. Я сказал два класса и не ошибся. Тогда у нас в одном помещении занимались сразу третий и первый классы.

Любопытно было наблюдать за первоклашками. Помню, Наталья Ивановна обрадовалась тому, что уборщица тётя Тося отыскала где-то немного красных чернил. «Как раз Людмиле на кол», — весело сказала она. Людка сидит на первой парте. Учителя часто сажают слабых учеников поближе, чтобы удобнее было их контролировать. Отличница Нинка сидит подальше. Помню, как она заработала пятёрку, чётко и громко прочитав по слогам в букваре на левой стороне в рамочке: «Летом — грозы, а зимой — морозы». А вот другая картинка — они собираются домой. Нинка надевает пальто, поднимает воротник, потом просто, по-бабьи, покрывает платок, обматывает конец вокруг шеи — и надёжно, и нигде не поддувает. Людка же одевается иначе. У неё, правда, и пальтишко попроще, и платок поскромнее. Но она вначале накидывает платок, сводит его концы на груди, прижимает подбородком, затем надевает пальто. Совсем другой вид!

На последней парте, на «камчатке», сидела темнобровая девчонка. Жила она на водокачке, где её отец работал машинистом. Несколько лет спустя мы с отчимом поехали к ним на мотоцикле за сливами. Я к тому времени уже ослеп, а они перешли жить в райцентр. «Помню, помню, — сказал машинист чуть с украинским акцентом, — как он гонял за моей дочкой по всем коридорам». Вероятно, он меня с кем-то путал. Тогда под учёбу нам отводилось всего две комнаты в жилом доме, где, кроме небольшого подъездного коридорчика, никаких коридоров не было и в помине. Мы общались с его дочкой всего лишь один раз, когда её оставили «без обеда» из-за чтения. Меня Наталья Ивановна иногда просила побыть с безобедниками, принять у них задолженность. К тому времени я уже исправился. Мне это поручение льстило, да и была прямая выгода. Пока ребята готовились, можно было выполнить своё домашнее задание. Я, помнитесь, захотел узнать, как первоклассница сумеет прочитать незнакомый текст. Открыл в конце букваря рассказ о Молотове. На левой стороне разворота под его портретом большими буквами было написано: «Вячеслав Михайлович Молотов». Бедняжка безуспешно пыталась прочитать первое слово — меня же это забавляло. Мне до сих пор неловко вспоминать тот случай.

Конечно, сдвоенные классы были не от хорошей жизни и, наверняка, это сказывалось на качестве знаний. Сейчас точно не могу сказать, в каком классе и при какой учительнице к нам приезжала инспектор. Не старая ещё женщина, стройная, строгая, в чёрной железнодорожной форме — юбка и пиджачок, по-моему, даже с погонами. Потому, видимо, я и не помню учи-